

**СЛУЖАЩИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ О ЛИБЕРАЛАХ:
МЕСТО ЛИБЕРАЛИЗМА В ЛЕГАЛЬНОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (1880–1905)**

Аннотация. В статье анализируются представления служащих политической полиции о либеральном движении Российской империи на хронологическом отрезке 1880–1905 гг. В центре анализа – проблема легальности либерального движения (так, как ее понимали чины политического сыска).

Ключевые слова: дореволюционная политическая полиция, история российского либерализма, история государственных учреждений России, история российских революций.

Abstract. This article analyses a complex of views which had the officials of the political police on the liberal movement in the Russian empire in 1880–1905. It deals mainly with the problem of legality of the liberal movement, as it was understood by the officials of the secret police.

Keywords: Pre-revolutionary political police, history of Russian liberalism, history of state institutions of the Russian empire, history of Russian revolutions.

Взаимоотношения власти и общества издавна являлись одной из актуальных проблем при выработке государственной политики. Наиболее противоречивыми, многоплановыми и неоднозначными в истории предреволюционной России были отношения представителей власти и либеральной части общества. Выработка более или менее единой и согласованной стратегии поведения по отношению к либералам представляла для властей существенную проблему. С одной стороны, трудности с выработкой последовательной позиции власти в отношении либералов заключались в том, что те люди, которые выступали сторонниками либерализма, составляли существенный сегмент интеллектуальной элиты общества. С другой стороны, либералы открыто демонстрировали свою оппозиционность существовавшему государственному строю. Периодические попытки верховной власти в течение XIX в. проведения реформ либерального толка создавали дополнительные трудности у работников государственного аппарата для выработки целостной поведенческой стратегии. В итоге образ «либерального» в восприятии чиновничества балансировал на грани признаваемо-одобряемого и порицаемого, время от времени переходя от одной оценки к другой.

Особое место в формулировании представлений бюрократии о либерализме занимала политическая полиция – структура, призванная, помимо прочего, наблюдать за политическими настроениями общества, информировать о состоянии общественного мнения другие государственные институты вплоть до императора и предлагать мероприятия по контролю власти за легальным политическим пространством.

Каким образом относились к либерализму в политической полиции? Попадал ли, по ее мнению, либерализм в спектр, который на языке формальной ведомственной терминологии политического сыска мог быть обозначен как «политическая благонадежность» и, в более широком смысле, как лояльность власти? Насколько чинам политической полиции были близки либеральные идеи?

В исторической литературе распространено убеждение, что дореволюционная политическая полиция, как в силу личных убеждений своих служащих, так и в силу общепринятой в государственном аппарате установки, была ориентирована на поддержку течений, которые принято обозначать как «крайне реакционные». Правда, этот вывод относится преимущественно к периоду после 1905 г., когда эти течения оформились как черносотенные [1–7].

Прежде чем говорить о том, насколько это мнение адекватно исторической действительности периода до Первой русской революции, стоит сделать ряд предварительных замечаний о самой политической полиции¹.

Политическая полиция Российской империи в конце XIX – начале XX вв. институционально представляла собой сложную многоуровневую структуру. С 1880 г. руководство структурами политического розыска осуществлял Департамент полиции (далее – ДП), входивший в состав Министерства внутренних дел (далее – МВД) Российской империи. Местными органами политической полиции были губернские жандармские управления (далее – ГЖУ) и охранные отделения. ГЖУ занимались проведением расследований (дознаний) по государственным преступлениям, а охранные отделения – разработкой и осуществлением политического розыска (через службу наружного наблюдения и секретную агентуру) [6, 8–11]. Эти структуры отличались друг от друга не только функциями, но и принципом комплектования. В ДП работали преимущественно люди с юридическим образованием и опытом службы по судебному ведомству. ГЖУ и охранные отделения наполнялись жандармами – бывшими военными. Кроме этого, ряд важных охранных отделений (в первую очередь Московское (далее – МОО) и Заграничную агентуру (далее – ЗА)) возглавляли бывшие секретные агенты, успешно проявившие себя на поприще секретного сотрудничества с политической полицией [12].

Подобные различия в образовании и карьерах чинов политической полиции во многом определяли различное видение и восприятие ими общественно-политических процессов того времени.

Кроме этого, служащие политической полиции понимали либеральное движение как элемент более широкого спектра течений, находившихся в легальном пространстве². В него они включали конституционалистов, оппози-

¹ Хронологические рамки статьи очерчены двумя значимыми общественно-политическими событиями в жизни Российской империи. Нижняя хронологическая граница – 1880 г., время создания Департамента полиции в качестве нового руководящего органа политической полиции. Верхняя граница – 17 октября 1905 г., когда был опубликован манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», который был воспринят в политическом смысле как кардинально изменяющий общие политические условия, а также цели и задачи политической полиции.

² Легальность положения либералов подчеркивалась терминологически. О «легальных писателях-либералах» и «легальном либерализме» писал заведующий ЗА П. И. Рачковский в мае 1894 г. [13]. «Легальным противодействием» назвал в 1899 г. программу либералов «для борьбы с правительством» вице-директор ДП Г. К. Семьякин [14]. О «легальной агитации» кружков либеральной интеллигенции говорил в январе 1902 г. начальник Владимирского ГЖУ [15]. Московский обер-полицмейстер Д. Ф. Трепов в июле 1901 г., а сотрудник Особого отдела ДП Н. Д. Зайцев в ноябре 1904 г. писали о деятельности либералов «на легальной почве» [16]. «Легальные газеты либерального направления» беспокоили начальника Орловского ГЖУ в марте 1905 г. [17].

ционеров, радикалов, марксистов и частично освобожденцев. Именно деятели этих течений вели активную публичную деятельность (через различные институты – самоуправление, печать, прежде всего периодическую, общества, библиотеки и т.п.). А публичность для чинов политического сыска являлась главным критерием легальности положения общественно-политических деятелей. Этим данные течения, по мнению сотрудников политической полиции, кардинально отличались от находившихся в подполье революционеров (народников, народовольцев, социал-революционеров, социал-демократов).

По поводу соотношения конституционалистов и либералов в политической полиции существовали разные точки зрения. Согласно одной из них, либерализм и конституционализм (под последним в политическом сыске понимали стремление к введению в России конституции по типу западноевропейских) были во многом понятия-синонимы. Такую точку зрения высказывали служащие ЗА, частично охранных отделений и частично ГЖУ. Так, заведующий ЗА П. И. Рачковский писал в октябре 1894 г.: «Фонд вольной русской прессы... несмотря на совершенное разногласие с русскими либералами, во «имя общей борьбы для уничтожения самодержавия»... собрали свои наличные силы... и печатают присланный им проект конституции» [18]. О конституции как доминирующем требовании либералов Рачковский говорил и позднее [19].

Если в Санкт-Петербургском охранном отделении (далее – СПбОО) в 1895 г. писали о том, что либерализм и конституционализм представляют собой один «лагерь», но, тем не менее, не являются понятиями-синонимами [20], то уже в 1897 г. между этими течениями был поставлен знак равенства: «Либеральная партия... проявила только намерение во чтобы то ни стало добиться большей свободы печати... в целях... приготовления умов к замене монархического образа правления, на первое время, конституционным» [21]. Однако уже в начале XX в. конституционализм опять трактовался чинами СПбОО как самостоятельное движение. При этом олицетворением легального конституционализма являлся журнал «Вестник Европы», а нелегального – издаваемый за границей П. Б. Струве журнал «Освобождение» [22]. Земский съезд ноября 1904 г. (в обоих столичных охранных отделениях) остался за пределами либерализма и был связан с «земцами» и «конституционалистами», также как и «банкетная кампания ноября–декабря 1904 г.»¹ [23]. В МОО в отличие от СПбОО конституционализм вплоть до 1905 г. воспринимался как не связанное с либерализмом явление [28]. Единственный раз аналогия была проведена в августе 1905 г.: Союз конституционалистов был назван крайне либеральной частью общеземского движения [29].

В рамках ГЖУ понятие «конституционалисты» появилось в конце 1904 г., что, по всей видимости, было связано с «банкетной кампанией», организованной «Союзом освобождения» в ноябре–декабре 1904 г. В ноябре 1904 г. о конституционалистах писал начальник Киевского ГЖУ [30], в начале 1905 г. – начальник ГЖУ Донской области [31], в мае 1905 г. – начальник Черниговского ГЖУ, причем последний связывал введение конституции с требованиями «крайних» либералов: «Имшенецкий... высказывается крайним либералом... заявил себя сторонником конституционного строя» [32].

¹ Сами деятели либерального движения в своих мемуарах оценивали данные события как важные составляющие становления либерализма в России [24–27].

В восприятии служащих ДП конституционализм выглядел преимущественно автономным от либерализма явлением. Либералы ассоциировались с требованием конституции в случае, если речь шла об общем легальном противоправительственном движении, маркируемым словом «оппозиция» [33]. Так писал Н. Д. Зайцев, автор документа о съезде земских деятелей 6–8 ноября 1904 г., но, видимо, в данном случае совпадение либерального и конституционного движения стало отражением мнения секретной агентуры, а не собственного мнения: «30 сентября в Париже по инициативе финляндской оппозиции состоялась конференция революционных и оппозиционных групп, решивших заключить союз для ведения общими силами в настоящее тяжелое... время борьбы с самодержавным режимом, причем русская либеральная партия (бывшая группа русских конституционалистов или освобожденцев Петра Струве) постановила (*зачеркнуто «по агентурным сведениям» – Л.У.*) продолжать свои действия на легальной почве в земских и общественных учреждениях»¹ [34].

Еще одно «популярное» у служащих охранных отделений и ДП течение, близкое к либеральному, но, тем не менее, четко отделенное от него, представляли так называемые «радикалы»². Это течение менее всего известно в литературе, но, видимо, оно является аутентичным восприятию современников определенного общественно-политического сегмента. Один из общественных деятелей В. Кранихельд в 1917 г. так описывал «радикалов» 1890-х гг., с которыми он общался в Воронеже во время своей административной высылки: «Казалось, я попал в общество людей, которым жизнь уже не сулила в будущем ничего неизведанного, заманчивого, не открывала перед ними никаких перспектив. А между тем это были в большинстве люди молодые, студенты, только недавно еще потерпевшие на своем жизненном пути некоторую и, в сущности, незначительную аварию. Несчастье их заключалось, однако, в том, что вместе с этой личной аварией терпело крушение также их мирозерцание – рушились их идеалы, их вера в будущее. И чем круче подламывала жизнь их старые верования, тем нетерпимее относились они ко всем инакомыслящим, по сектантски замыкаясь в свой маленький тесный кружок. Они добывали себе пропитание грошовыми уроками, называли себя «радикалами» и с особенной брезгливостью отзывались о местном культурном обществе – о либералах и либералишках» [37].

В некоторых случаях между либералами и радикалами возникало взаимодействие, что, однако, подчеркивает четкое разделение этих двух течений в представлении чинов политического сыска: «либеральные и радикальные кружки», «либеральная и радикальная публика», «либеральная и радикальная группы», «либеральная часть общества и радикальная молодежь», «либерально-прогрессивная и радикальная фракции» и пр. [38]. Характерным примером

¹ Секретным агентом на этой конференции был, как известно, Е. Азеф – руководитель Боевой организации эсеров, работавший одновременно на ДП.

² Кроме названных течений, служащие политической полиции уделяли существенное внимание такому течению, как «марксизм», четко отделяя его и даже противопоставляя либерализму: если первое было экономическим течением, то второе являлось сугубо политическим. Еще одним «соседним» с либерализмом течением были «освобожденцы», под которыми чины политической полиции понимали как участников журнала «Освобождение», так и его постоянных читателей. «Освобожденцы» оценивались как наиболее радикальное из близких к либерализму течений [35, 36].

является описание либералов и радикалов начальником СПбОО в 1898 г.: «За последние несколько месяцев состоялось значительное сближение между обеими враждовавшими сторонами. Это обстоятельство чрезвычайно характерно для переживаемого либералами и радикалами момента. Обе группы сознают, что им необходимо временно сойтись во имя интересов, общих им обоим. Связующим звеном в этом деле явилась мысль о нелегальном, то есть негласном съезде литераторов, возникшая в голове К. К. Арсеньева и поддержанная некоторыми из радикальной группы» [39].

В МОО бытовало представление об определенной политической наивности либералов, что позволяло радикалам использовать их в своих целях. Так, московский обер-полицмейстер Д. Ф. Трепов и начальник МОО С. В. Зубатов писали в 1901 г. о «близоруких либералах» в обществе взаимопомощи лиц интеллигентных профессий: «Дабы образовать так или иначе прочный и сильный комплот, радикалы, прикрываясь идеей взаимопомощи, привлекли к содействию некоторых близоруких либералов, политическая благонадежность коих не могла бы внушать подозрений, а затем, оформив при их помощи дело и собравшись в достаточном числе, сначала устранили на чрезвычайном общем собрании 16 марта прошлого года учредительный декорум и ввели в совет общества своих сторонников, а потом, к концу года, окончательно завладели его административными органами» [40].

Таким образом, либералы оказывались в той части политического спектра, которая в МОО признавалась политически благонадежной. Но это не означало положительного отношения со стороны чинов МОО к поведению либералов. Так, С. В. Зубатов писал о «лжи и лицемерии» в «либеральной постановке вопроса о стачке» [41, с. 308], В. В. Ратко – о «цинизме либералов»¹.

Это представление было весьма характерно и для ДП. Но оно было выражено несколько иначе, посредством выделения в легальном политическом пространстве наряду с либералами «легальной оппозиции», которая делилась на умеренную и крайнюю. Именно последняя группа – крайняя (в обозначении Н. Д. Зайцева) или радикальная (в обозначении Л. А. Ратаева) легальная оппозиция интересовала ДП прежде всего. О легальной оппозиции писали многие служащие ДП: директора С. Э. Зволянский и А. А. Лопухин, заведующий Особым отделом ДП Л. А. Ратаев, руководитель 5-го делопроизводства В. К. Лерхе, сотрудник 3-го делопроизводства Н. А. Пешков [43, 44]. О популярности понятия «оппозиция» в среде ДП говорит, например, тот факт, что, как только уволенный с должности заведующего ЗА П. И. Рачковский переехал из далекого Парижа в Санкт-Петербург и попал в непосредственный контакт с чинами Департамента, в его лексиконе возник термин «оппозиция» [45; 10, с. 195]. С 1902 г. это понятие появилось у С. В. Зубатова, назначенного в это время руководить Особым отделом ДП² [11, с. 113; 41, с. 289, 309; 46, 47].

¹ Накануне демонстрации 5 и 6 декабря 1904 г. освободителей, социал-демократов и социал-революционеров Ратко писал: «Сделано все для создания революционного настроения и сознания, что самое главное, полной безнаказанности. Цинизм либералов и нахальство революционеров дошло до максимума, и, кажется, уже дальше идти нельзя» [42]. Не очень понятно, каким образом характеристика либералов в этом письме может быть встроена в общее отношение МОО к либералам, тем более что через три месяца Ратко писал совсем иное (см. ниже).

² В историографию вошло разделение на оппозиционное и революционное движение, видимо, воспринятое из документов ДП [48–50].

Если, по мнению служащих МОО, представление о «либеральном» не могло быть объяснено терминами «радикальный» и «оппозиционный», то в ДП, признавая самостоятельность двух последних направлений противоправительственного движения, иногда ставили знак равенства между оппозиционными и крайне либеральными явлениями. Так, директор ДП С. Э. Зволянский в записке о тверском земстве 1896 г. писал: «Против... Штюмера вскоре же образовалась в губернии враждебная партия, во главе коей стали некоторые из гласных крайне либерального направления... тем не менее... вожаки оппозиции отчасти утратили прежнее влияние на ход земских дел» [51]. Более того, в 1900 г. в ДП возникло понятие «либерально-оппозиционные элементы», использовавшееся в течение двух лет (1900–1901) при описании объединительных тенденций в легальном политическом пространстве [52]. Иногда в ДП писали о «либерально-радикальной оппозиции» [53].

Однако уже с весны 1901 г. в качестве доминирующего термина, сопутствующего слову «оппозиция», используется не «либеральный», а «радикальный». После студенческой демонстрации 4 марта 1901 г. у Казанского собора и общественной реакции на ее разгон полицией в лексикон служащих ДП прочно входит понятие «радикально-оппозиционная группа». Авторство этого определения, по всей видимости, принадлежит заведующему Особым отделом ДП Л. А. Ратаеву (он, кстати, одним из первых в ДП еще в первой половине 1890-х гг. употреблял понятие «оппозиционеры»). Л. А. Ратаев писал, что состоящие в этой группе добиваются «низвержения в более или менее отдаленном будущем существующего ныне в империи государственного строя» [54]. Наиболее развернуто определение «радикально-оппозиционной группы» было дано в циркуляре № 6234 (июнь 1901 г.) министра внутренних дел Д. С. Сипягина губернаторам, градоначальникам, обер-полицмейстерам, начальникам ГЖУ: группа «лиц, преимущественно интеллигентных профессий, которые, не принимая непосредственного участия и даже намеренно устранившись от активной революционной деятельности, поставили себе задачей, путем устройства вечеринок, чтения речей и рефератов на соответствующие темы, а также издательства систематически подобранной тенденциозной литературы, готовить в среде молодежи и рабочих противоправительственных деятелей и агитаторов» [55].

При этом в 1901 г. в ДП произошла переоценка роли либерального течения в противоправительственном движении: из его активных участников либералы превратились в попавших под влияние радикально-оппозиционной группы. Заведующий особым отделом ДП Л. А. Ратаев и директор ДП С. Э. Зволянский так подводили итог расследованию событий, связанных со студенческой демонстрацией 4 марта 1901 г.: «Выяснены все главнейшие деятели радикально-оппозиционной группы, захватившей за последние два года руководство всем революционным движением в Петербурге и ознаменовавшей свою деятельность за последнее время подстрекательством учащейся молодежи и рабочих к устройству уличных манифестаций, а либеральной части общества – к предъявлению правительству разных неосновательных и неподлежащих удовлетворению требований» [56].

С начала XX в. понятие «либеральная оппозиция» стало маргинальным в документах ДП и МОО. Видимо, радикализация либерального движения, произошедшая в 1901–1902 гг., не была воспринята как изменение самой либеральной идеологии, а трактовалась как конституирование нового явления – радикальной оппозиции. Основное содержание понятия «либе-

ральная оппозиция» не изменилось, и в 1905 г. в ДП определяли Д. Н. Шипова как «личность либерально-оппозиционного направления» [57], а майский съезд земцев 1902 г. – как «съезд либерально-оппозиционных элементов земских деятелей» [58].

Таким образом, представления ДП и МОО о либералах во многом совпадали: в обоих случаях считалось, что они попадали под влияние радикально-оппозиционной группы. Эта трактовка была не свойственна ГЖУ, ЗА и СПБОО. Во-первых, служащие этих структур отводили либерализму руководящую роль в общем противоправительственном движении. Так, заведующий ЗА П. И. Рачковский расценивал либеральное движение как стремящееся к объединению всех оппозиционных власти течений и, соответственно, являвшееся руководителем по отношению к революционерам [59]. Подобное отношение к либералам разделяли и ряд видных деятелей рубежа веков: министры внутренних дел И. Л. Горемыкин и В. К. Плеве, обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев [60, 61]. Во-вторых, в ГЖУ по отношению к либералам часто использовали слова «крайне», «резко», «неумеренно», «яро». Так, из 49 случаев употребления слова «крайне» в связи с либералами, выявленных мной в делопроизводственной переписке, 33 приходится на ГЖУ, 14 – на ДП, 2 – на охранные отделения. Эта тенденция, видимо, отражает непримиримое отношение к либеральному движению наиболее консервативных из всех служащих политической полиции военных чинов управлений.

При этом в политическом сыске существовали серьезные разногласия относительно того, является ли идентификация либералов как противоправительственных деятелей верной и универсальной.

Одним из характерных расхождений между МОО и ДП, с одной стороны, и остальными структурами политического сыска, с другой стороны, является отношение к земству. Земцы, ассоциированные в тайной полиции в политическом плане с либерализмом, трактовались в МОО и ДП как ведомые в противоправительственном движении за радикалами и оппозиционерами. Заведующий Особым отделом ДП Л. А. Ратаев писал в 1902 г.: «За спинами увлекающихся и протестующих земцев всегда стоит в качестве подсказчика земский статистик, земский писарь, земский врач, агроном и т.п. В одной губернии земские учреждения находятся под давлением заведывающего земским санитарным бюро, в другом вдохновителем является главный статистик, в третьем – заведующий по вольному найму страховым отделом и т.д.» [62, 63]. В МОО и ДП внимание к земству как проводнику противоправительственных идей было существенно ниже, чем в ГЖУ. Земские деятели круга Долгоруковых не считались неблагонадежными (так, это слово было вычеркнуто Л. А. Ратаевым при составлении письма о собрании земцев) [64]. Донесения о земстве из МОО исключительно редки, а если и встречаются, то или не содержат в себе никаких характеристик, или заключают в себе положительное отношение к «либеральному земству» [65].

Л. А. Ратаев, по всей видимости, находился под влиянием либеральной концепции самоуправления, согласно которой земство являлось основой для организации народного представительства в стране¹. Так, в записке о легаль-

¹ Согласно данной концепции, одним из авторов и активным сторонником которой являлся Д. Н. Шипов, выборные учреждения должны быть сформированы из представителей земств и иметь совещательный, а не законодательный характер [25, с. 278–280; 27, с. 451].

ной оппозиции 1902 г. он писал по поводу городских и земских учреждений, что «эти последние легальные органы общественной самодеятельности» представляют «собой крошечные зачатки конституционной жизни» [66]. Начальник МОО В. В. Ратко в своей записке о неотложных мерах по борьбе с революционным движением в феврале 1905 г., похоже, во многом опирался на концепцию, известную в историографии под названием «шиповского либерализма», т.е. либерализма, ориентированного на выражение доверия верховной власти и отрицательное отношение к конституции. Именно об этих двух положениях как необходимых для нормального взаимодействия власти и общества писал В. В. Ратко, характеризуя при этом положительно деятельность П. Д. Святополк-Мирского по умиротворению общества в противовес деятельности В. К. Плеве. Говоря о мерах борьбы с революционным движением, В. В. Ратко фактически воспроизвел некоторые постановления земского съезда ноября 1904 г. в версии группы Д. Н. Шипова: «Для предотвращения надвигающейся катастрофы необходимо безотлагательно: 1. дать возможность умеренным общественным элементам применить свои силы в деле служения государству и участия в законодательных работах наряду с правительственными чиновниками (обусловив эту меру имущественным цензом)... 3. пересмотреть уставы высших учебных заведений, предоставив принять участие в обсуждении этого вопроса представителями от профессуры в высших учебных заведениях» [67]¹. Лояльное отношение к съезду земских деятелей в мае 1905 г. (во время которого, как известно, земцы в последний раз попытались объединиться под руководством Шипова) демонстрировал и новый начальник МОО Тржецьк, считавший, что следует разрешить его проведение [71]. Тот же фланг либерального движения, который в 1905 г. получил оформление на общероссийском уровне в рамках «Союза земцев-конституционалистов», в МОО был оценен как «крайне либеральный» [72]².

В понятие умеренного либерализма служащие ДП вкладывали представление о поддержке верховной власти, признании ее права и способности заботиться о народе в противовес бюрократии, которая является главной проблемой Российского государства. Кроме того, умеренный либерализм предполагал критику отдельных представителей власти в отличие от крайнего либерализма, который считал неработающей государственную систему в целом [75].

Таким образом, служащие МОО и ДП воспринимали либерализм как течение, в основном находящееся за пределами противоправительственных устремлений, демонстрировали весьма спокойную позицию по отношению к либеральному движению. Либерализм представлялся им как не самое опасное течение с точки зрения государственного порядка и общественного спокойствия. Это восприятие отражалось как в относительно низком интересе к либералам на фоне внимания к деятелям других легальных оппозиционных течений, в эмоционально нейтральном описании различных проявлений либе-

¹ О постановлениях ноябрьского земского съезда 1904 г. и программе «шиповского» либерализма см. в [25–27, 68–70].

² В историографии «Союз земцев-конституционалистов» оценивается как выразитель умеренно либеральных требований в отличие от «Союза освобождения», представлявшего крайне левый фланг либерального движения. Позиция Д.Н. Шипова и его сторонников зачастую рассматривается не столько как проявление либерализма, сколько как выражение славянофильства [69, 70, 73, 74].

рального движения, так и в предпочтении воздерживаться от репрессивных мер в отношении его участников [76]. Если ГЖУ делали акцент на крайних проявлениях либерализма (которые были для них особенностями либерального движения в целом, а не какой-то его небольшой части), то в охранных отделениях и в ДП больше было распространено мнение о существенной умеренности либерализма как целостного явления.

Это расходится с принятой в историографии позицией об ориентации политической полиции на поддержку крайне реакционных движений¹. Несоответствие этого представления действительности подтверждает анализ партийных объединений, проводившийся в ДП в 1906 г. Вопросы, на которые должны были ответить служащие местных отделений политической полиции, имели своей целью выяснить, в какой мере власть могла бы опираться на такие партии, как Партия мирного обновления, Партия правового порядка, т.е. те политические организации, которые возглавляли бывшие шиповцы².

В целом, несмотря на разногласия в политической полиции относительно степени противоправительственности либерализма, граница разделения политического пространства на те явления, которые интересовали политический сыск, и те явления, которые не относились к объектам ее внимания, проходила внутри либерального движения. Крайний либерализм и все, что было радикальнее его (оппозиционеры, конституционалисты, радикалы, марксисты, освобожденцы и пр.), были объектами такового внимания³, что выражалось в постоянном наблюдении за деятелями данных течений, а также в попытках служащих ДП лишить их доступа в публичное пространство с помощью имевшихся в арсенале политической полиции репрессивных средств (гласный надзор, административная высылка и др.). Умеренный же либерализм воспринимался в политической полиции как норма и был позиционирован в политическом пространстве рядом с консерватизмом. В отличие от крайних либералов умеренные не искали выхода в публичное пространство, не были озабочены проблемой организованности своих сторонников [78]. Иначе говоря, по мнению чинов политической полиции, умеренный либерализм находился за пределами публичной политики, в сфере частной жизни, что являлось главным условием признания в политическом сыске допустимости его существования.

Список литературы

1. Гессен, В. М. Исключительное положение / В. М. Гессен. – СПб., 1908. – С. 3.
2. Козьмин, Б. П. С. В. Зубатов и его корреспонденты / Б. П. Козьмин. – М., 1928. – С. 48.
3. Аврех, А. Я. Документы Департамента полиции как источник по изучению либерально-оппозиционного движения в годы Первой мировой войны / А. Я. Аврех // История СССР. – 1987. – № 6. – С. 33.
4. Чернышевский, В. Д. Полиция как орудие карательной политики царизма (1881–1894 гг.) / В. Д. Чернышевский // Освободительное движение в России. – Вып. 12. – Саратов, 1989. – С. 79.

¹ Скорее всего, поддержка черносотенцев была личной инициативой отдельных служащих политической полиции, например начальника МОО в 1906 г. Е. К. Климовича [2, с. 48].

² Такой анализ по Москве и Московской губернии см. в [77].

³ Это подтверждает и ряд опубликованных материалов, например письмо Е. П. Медникова С. В. Зубатову от 11.05.1906 [2, с. 119].

5. **Мулукаев, Р. С.** Полиция в России (IX в. – нач. XX в.) / Р. С. Мулукаев. – Нижний Новгород, 1993. – С. 44.
6. **Рууд, Ч.** Фонтанка, 16. Политический сыск при царях / Ч. Рууд, С. Степанов. – М., 1993. – С. 145–154, 233.
7. **Ерошкин, Н. П.** История государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. – 4-е изд. – М., 1997. – С. 251, 256.
8. **Головков, Г. З.** Канцелярия непроницаемой тьмы. Политический сыск и революционеры / Г. З. Головков, С. Н. Бурин. – М., 1994.
9. Политический сыск в России: история и современность. – СПб., 1997.
10. **Перегудова, З. И.** Политический сыск России / З. И. Перегудова. – М., 2000.
11. **Галвазин, С. Н.** Охранные структуры Российской империи: формирование аппарата, анализ оперативной практики / С. Н. Галвазин. – М., 2001.
12. **Ульянова, Л. В.** Групповой портрет деятелей политической полиции (1880–1905 года) / Л. В. Ульянова // Вестник молодых ученых исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Труды международной научной конференции «Ломоносов – 2007». Лучшие доклады по историческим наукам. – М., 2007. – С. 165–177.
13. ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1894. Д. 1. Л. 268, 283.
14. ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1900. Д. 528. Л. 5
15. ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1901. Д. 987. Л. 64
16. ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1901. Д. 933. Л. 2 ; Особый отдел. 1904. Д. 1000. Л. 162 а.
17. ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1905. 2 отделение. Д. 13. Л. 11.
18. ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1894. Д. 1. Л. 384.
19. ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 14. Ч. 6. Л. 4, 6, 8 ; Ч. 47. Л. 91 ; Оп. 252. Д. 18. Л. 167–167 об.
20. ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1893. Д. 1200. Л. 5 об. ; 1895. Д. 640. Л. 2.
21. ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 2. Ч. 3. Л. 18.
22. ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 2. Ч. 3. Лит. Г. Л. 94–95 ; Д. 14. Ч. 57. Л. 68.
23. ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1904. Д. 3. Ч. 10. Т. 1. Л. 9 ; Д. 1000. Л. 10–11, 40–40 об., 49–49 об., 52, 63 – 63 об., 75–76, 97–98 об., 107, 124, 137, 150 ; Т. 2. Л. 47, 45, 61 ; Д. 1250. Л. 51.
24. **Веселовский, Б. Б.** История земства / Б. Б. Веселовский. – СПб., 1911. – Т. 3.
25. **Белоконский, И. П.** Земское движение / И. П. Белоконский. – М., 1914.
26. **Шипов, Д. Н.** Воспоминания и думы о пережитом / Д. Н. Шипов. – М., 1918.
27. **Петрункевич, И. И.** Из записок общественного деятеля / И. И. Петрункевич // Архив русской революции. – М., 1993. – Т. 21–22.
28. ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1895. Д. 88. Л. 98 ; Особый отдел. 1898. Д. 362. Л. 7 ; 1904. Д. 1195. Л. 44–48 ; 1905. 2 отделение. Д. 1000. Ч. 1. Л. 159.
29. ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1905. 2 отделение. Д. 999. Ч. 43. Л. 24.
30. ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1904. Д. 1250. Л. 128.
31. ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1905. Д. 1. Ч. 66. Лит. А. Л. 7.
32. ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1905. 2 отделение. Д. 1255. Ч. 10. Л. 2.
33. ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1904. Д. 550. Л. 49 ; Д. 1000. Л. 1.
34. ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1904. Д. 1000. Л. 162 а.
35. ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 2. Ч. 3. Л. 18, 19 об. – 20 об., 22, 23–24 ; Лит. Б. Л. 1, 16 ; Д. 6. Ч. 47. Л. 91 ; Д. 13. Ч. 3. Л. 3–5 ; Ч. 13. Л. 1–1 об. ; Д. 14. Ч. 57. Л. 10, 68 ; 1904. Д. 1195. Л. 28, 44–48 ; Д. 1250. Л. 128.
36. Материалы к истории нашего хозяйственного развития : доклад цензора Матвеева о сожженном марксистском сборнике // Красный архив. – 1923. – Т. 4. – С. 316.
37. **Кранихельд, В. В.** Яковлев-Богучарский (по материалам Департамента полиции, Московского охранного отделения и по личным воспоминаниям) / В. Кранихельд // Былое. – 1917. – № 1(23). – С. 233.

38. ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1893. Д. 635. Л. 120, 138–143 ; 1895. Д. 450. Л. 3–4 ; Особый отдел. 1898. Д. 2. Ч. 3. Лит. А. Л. 195 ; 1902. Д. 1555. Л. 7 ; 1903. Д. 150. Л. 1 ; 1906. 1 отделение. Оп. 235. Д. 373. Л. 5 об.
39. ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 13. Ч. 3. Л. 3.
40. ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1901. Д. 933. Л. 2, 6.
41. Новое о зубатовщине // Красный архив. – 1922. – Т. 1.
42. **Козьмин, Б. П.** С. В. Зубатов и его корреспонденты. Среди охранников, жандармов и провокаторов / Б. П. Козьмин. – М. ; Л., 1928. – С. 41.
43. ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1893. Д. 1200. Л. 6 ; 1895. Д. 1719. Л. 3–16 ; 1899. Д. 1055. Л. 157 ; Особый отдел. 1898. Д. 13. Ч. 16. Л. 11 ; 1904. Д. 200. Л. 29.
44. Николай II и самодержавие в 1903 г.: из итогов перлюстрации // Былое. – 1918. – Вып. 2(30).
45. ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 1. Ч. 1. Лит. Д. Л. 1–15.
46. ГА РФ. Ф. 102. 1 эксп. 1880. Д. 98. Л. 139 (вложение). Л. 7 об.
47. Зубатовщина // Былое. – 1917. – № 4. – С. 166.
48. **Ефремов, В. А.** Сыск в политической полиции самодержавной России: историко-правовой аспект : дис. ... канд. ист. наук / В. А. Ефремов. – СПб., 1996. – С. 117.
49. **Дорохов, В. Г.** Политический сыск в Томской губернии: 1881 – февраль 1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук / В. Г. Дорохов. – Кемерово, 2005. – С. 43.
50. **Гладышева, Е. Е.** Политический сыск в России в начале XX в. (1902 – февраль 1917 г.) на примере Саратовской губернии : дис. ... канд. ист. наук / Е. Е. Гладышева. – Саратов, 2006. – С. 5.
51. ГАРФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1895. Д. 1719. Л. 12.
52. ГАРФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1894. Д. 853. Л. 51, 52 ; 7 делопроизводство. 1903. Д. 1791. Л. 45 об. ; Особый отдел. 1900. Д. 115. Л. 36 об. ; 1901. Д. 923. Л. 2 ; Оп. 252. Д. 21. Л. 129, 143, 144.
53. ГАРФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1901. Д. 672. Л. 4 ; 1901. Д. 923. Л. 2, 4.
54. ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 723. Л. 2. ; Д. 5. Ч. 6. Лит. П. Т. 2. Л. 25 об.
55. ГАРФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1893. Д. 434. Л. 58.
56. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. 1898. Д. 2. Ч. 5. Т. 1. Л. 64.
57. ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1905. 2 отделение. Д. 2425. Ч. 32. Л. 7.
58. ГАРФ. Ф. 102. 7 делопроизводство. 1903. Д. 1791. Л. 45 об.
59. ГАРФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1888. Д. 1. Л. 97.
60. **Любимов, Д. Н.** Отрывки из воспоминаний. (1902–1904 гг.) / Д. Н. Любимов // Исторический архив. – 1962. – № 6.
61. **Лукьянов, И. В.** Тайный корреспондент Николая II А. А. Клопов / И. В. Лукьянов // Из глубины времен. – Вып. 6. – СПб., 1996.
62. ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1902. Д. 835. Л. 3 об. – 4.
63. ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1904. Д. 1195. Л. 45.
64. ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1902. Д. 1688. Л. 37.
65. ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 608. Л. 7 ; 1904. Д. 1195. Л. 44–48.
66. ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1902. Д. 835. Л. 3 об.
67. ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1904. Д. 1195. Л. 48.
68. Второй съезд земских деятелей. – СПб., 1904.
69. **Черменский, Е. Д.** Буржуазия и царизм в первой русской революции / Е. Д. Черменский. – М., 1977 ; 1982.
70. **Шацилло, К. Ф.** Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. / К. Ф. Шацилло. – М., 1985.
71. ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1905. 2 отделение. Д. 1000. Л. 32.
72. ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. Д. 999. Ч. 43. Л. 24.
73. **Пирумова, Н. М.** Земское либеральное движение: социальные корни и эволюция до начала XX в. / Н. М. Пирумова. – М., 1977.

74. **Шелохаев, В. В.** Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. / В. В. Шелохаев. – М., 1983.
75. ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1894. Д. 1791. Л. 5–6.
76. ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1889. Оп. 85. Д. 138. Л. 5 ; 1889. Оп. 87. Д. 503. Л. 7, 11, 13–14, 15–16 ; 1891. Д. 527. Т. 1. Л. 152, 153 ; Т. 2. Л. 12, 31 ; 1893. Д. 1200. Л. 4 об. ; Особый отдел. 1900. Д. 528. Л. 5 ; 1901. Д. 923. Л. 1–2 об.
77. ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1906. 2 отделение. Оп. 236. Д. 828. Ч. 18.
78. ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1886. Д. 93. Л. 280–281 ; 1893. Д. 635. Л. 63–64 об. ; 1894. Д. 1791. Л. 5–6 ; 1902. Д. 1. Ч. 58. Лит. А. Л. 15 ; 1905. Д. 1. Ч. 66. Лит. А. Л. 4, 11 ; Особый отдел. 1898. Д. 13. Ч. 13. Л. 1–1 об. ; 1904. Д. 1192. Л. 5–8 ; 1905. 2 отделение. Д. 1000. Л. 32 ; Ч. 1. Л. 13.

Ульянова Любовь Владимировна

кандидат исторических наук, редактор
«Русского журнала» (г. Москва)

Ulyanova Lubov Vladimirovna

Candidate of History, editor
of «the Russian magazine» (Moscow)

УДК 94(47).082, 94(47).083

Ульянова, Л. В.

Служащие политической полиции о либералах: место либерализма в легальном политическом пространстве (1880–1905) / Л. В. Ульянова //
Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 2 (10). – С. 10–21.